
Статья по специальности**УДК: 82-94****ПУШКИН, ПЕРМЬ И ПОЛЬША:
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОДНОГО ЗНАЧИМОГО ЭПИЗОДА
МЕМУАРНОЙ ХРОНИКИ А.И. ГЕРЦЕНА
«БЫЛОЕ И ДУМЫ»****Анна А. Моисеева***Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г. Пермь, Россия*

Keywords: Alexander Herzen, “Past and thoughts”, interpretation of episode, images of Pushkin, Perm and Poland.

Summary: In this article you can find the interpretation of one important episode from memoir Chronicles “Past and thoughts” by Alexander Herzen. Author’s meeting with the exiled Pole in Perm connects with Pushkin’s theme in literature.

Ключевые слова: Александр Герцен, «Былое и думы», интерпретация эпизода, образы Пушкина, Польши и Перми.

Аннотация: В статье предлагается интерпретация одного значимого эпизода мемуарной хроники А.И. Герцена «Былое и думы». Встреча автора со ссыльным поляком в Перми соединяется с пушкинской темой в литературе.

В мемуарной хронике А.И. Герцена «Былое и думы», конкретно во второй её части «Тюрьма и ссылка» (1834–1838 гг.), внимание каждого уроженца Перми невольно привлекает описание этого города, ставшего для революционно настроенного писателя местом первой ссылки. При этом неожиданно обнаруживается, что сквозь контуры Перми в изображении А.И. Герцена проступают черты совсем иного, контрастного по отношению к ней, культурного пространства, а именно Польши, поскольку главным героем пермского эпизода оказывается ссыльный поляк Цеханович. Можно повторить вслед за исследовательницей И.М. Беляевской, что «...отношение Герцена к польскому национально-освободительному движению, к систематической пропаганде и защите требования независимости Польши можно считать уже достаточно выясненными» (Беляевская, 1958: 751), однако данный эпизод интересен не только тем, что

демонстрирует истоки этого, без сомнения, положительного отношения. Он интересен еще и игрой художественных контрастов, многочисленных ассоциаций.

Скорее всего, впервые упоминания о Перми и Польше помещаются по соседству друг с другом задолго до выхода в свет масштабного творения А.И. Герцена, на страницах трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1825 г.). Именно в этом произведении, с одной стороны, очень ярко представлена польская тема (важное место в иерархии образов занимает полячка Марина Мнишек, часть действия происходит непосредственно на польской территории и т. п.), а с другой – едва ли не впервые после «Жития Стефана Великопермского» употребляется производное от понятия «Пермь»: «Чертеж земли московской; наше царство / Из края в край. Вот видишь: тут Москва, / Тут Новгород, тут Астрахань. / Вот море. Вот пермские дремучие леса» (Пушкин, 1968: 285).

Очевидно, что в трагедии А.С. Пушкина упоминания о Польше и Перми хотя и находятся недалеко друг от друга, специально друг с другом никак не связываются, тогда как для А.И. Герцена эти названия соотносятся с двумя символическими топосами, прямо противопоставленными друг другу и в то же время неразрывно связанными.

Отношение к городу Перми в тексте А.И. Герцена изначально заявлено как негативное. «Я назначался в Пермь. <...> Меня посылали дальше всех и в самый скверный город» (Герцен, 1958: 219-220). Пермь здесь является репрезентантом малонаселенного пространства провинциальной России, сосредотачивая в себе все худшие его черты. Даже весенний бульвар охарактеризован как «пустынный», а цветы как «однообразные» и «скудные» (там же: 232).

В целом малосимпатичное население города представлено всего несколькими лицами. В первую очередь, обращает на себя внимание дурно воспитанный и бестолковый губернатор, толкующий «всякий вздор», путающийся в собственных распоряжениях и вместе с тем явно повинный в нравственной нечистоплотности и мздоимстве. В частности, сообщается, что «он как-то втихомолку улучшал свое состояние, как крот где-то под землю, незаметно, он прибавлял зерно к зерну и отложил-таки малую толику на черные дни» (там же: 228-229). Принципиально не отличающийся от своего начальства жандарм, не скрывающий от арестанта радости, «которую ему доставляла надежда, что он будет 350 верст пьян» (там же: 234), и тщетно претендующий на благородство полицмейстер, который «сечет полицейских, бьет мещан, подличает перед губернатором,

покрывает воров, крадет документы и повторяет стихи из «Бахчисарайского фонтана»» (там же: 231-232).

То, что малосимпатичный полицмейстер повторяет стихи именно из «южной» поэмы А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» (1821–1823 гг.), кажется весьма любопытным в преддверии уже упомянутого знакомства повествователя с ссыльными поляками, проживающими в Перми. Одним из центральных образов этой пушкинской поэмы, как известно, является образ несчастной красавицы Марии, полячки, заточенной в гареме восточного деспота, чахнувшей и погибающей вдали от родных краев. Таким образом, по воле автора, полицмейстер обличает неблаговидность собственной служебной деятельности, ведь он также способствует насильственному пребыванию людей в отрыве от горячо любимой отеческой земли. Однако осознать разоблачительную силу поэзии, так же как и несостоятельность своих претензий на благодетельство, он попросту не в состоянии.

Под статью представителям пермской власти и городские обыватели, в частности, бестолковая и малограмотная хозяйка предлагаемого повествователю наемного дома, оскорбляющая потенциального постояльца, выросшего в столице, предположением о том, что он станет «держатъ свою коровку», и искренне убежденная, что вся Москва должна знать некого г-на Кабрита. Интересно, что даже это случайное, на первый взгляд, имя вновь ассоциируется с темой иностранцев в России. В знаменитой энциклопедии Ф. Брокгауза и И. Эфрона сохранились упоминания о Вильгельме Антоне фон Кабрите (Кабрит Вильгельм, фон) – немецком военном на русской службе, оставившем на немецком языке «Дорожник» в форме дневника, где содержатся данные по истории Русско-шведской войны 1788–1790 гг. Упоминается в энциклопедии и его сын Теодор Кабрит (Кабрит Фёдор Фёдорович), переводивший с французского языка «Повести» Сервантеса, которые были опубликованы в Москве в период с 1805 по 1816 гг. (Брокгауз, Ефрон, 1894: 795). Сын последнего, Андрей Фёдорович Кабрит, именно в период с 1834 по 1838 гг., когда создавалась вторая часть «Былого и дум», был вице-губернатором Перми (Пермская губерния: электрон. ресурс).

Отметим, что, в отличие от «г-на Кабрита», оставшегося загадкой для опального писателя, ни у одного из других эпизодических персонажей – горожан Перми нет своего собственного имени, они принципиально безличны. Тем ярче на их фоне выступает индивидуализированный образ представителя иной культуры, насильственно включенного в эту недостойную его среду, уже названного ранее ссыльного поляка Цехановича.

Известно, что сама фамилия *Цеханович* не является вымышленной и существует до наших дней. Произведение «Былое и думы» основывается на автобиографических фактах: А.И. Герцен описывает встречу с реально существовавшим носителем этой фамилии Петром Цехановичем, высланным в Пермь «за связи с эмигрантом М. Шиманским, прибывшим из Франции с целью поднять восстание в Польше» (Дворецкая, 2004: электрон. ресурс). При этом нельзя исключать и возможность того, что эта фамилия специально акцентировалась писателем (ни разу на протяжении эпизода герой не называется по имени) с целью реализации определенной художественной задачи. Принято считать, что фамилия *Цеханович* с большой долей вероятности происходит от слова «цех», которое было заимствовано русским языком из польского – *cech* – и восходит, в свою очередь, к средневерхненемецкому диалекту: *zēch zēche* – это «объединение лиц одного сословия» (Цеханович: электрон. ресурс). То, что герой А.И. Герцена, носящий данную фамилию, представляет вполне определенное объединение, обладающее своей строгой «цеховой этикой» и определенным уставом, – а именно объединение борцов за свободу – не вызывает у читателя никаких сомнений.

В отличие от безликих представителей собственно Перми, Цеханович наделяется достаточно выразительным психологизированным портретом, которым открывается знакомство с ним героя-повествователя: «На одном из губернаторских смотров ссыльным меня пригласил к себе один ксендз. Я застал у него несколько поляков. Один из них сидел молча, задумчиво куря маленькую трубку; тоска, тоска безвыходная видна была в каждой черте. Он был сутуловат, даже кривобок, лицо его принадлежало к тому неправильному польско-литовскому типу, который удивляет сначала и привязывает потом; такие черты были у величайшего из поляков – у Фаддея Костюшки. Одежда Цехановича свидетельствовала о страшной бедности» (Герцен, 1958: 232). В этом описании в первую очередь обращает на себя внимание внешняя непривлекательность героя: неправильность черт («неправильный тип»), физическая слабость, болезненность («сутуловат, даже кривобок»), бедность одежды, выражение «безвыходной» тоски на лице. Однако возникающее в финале описания сравнение с Костюшкой подчеркивает контраст между внешней непритязательностью и редкостной внутренней силой, которая в полной мере обнаружится в позднейшем описании столкновения Цехановича со знаменитым Муравьевым-вешателем.

Образ Цехановича представлен на фоне коллективного образа ссыльных поляков (и – шире – польских повстанцев вообще) в качестве характерного их представителя. Аналогичным образом выстраивается и антагонистичный по отношению к нему образ Муравьева, представляющий собой лагерь угнетателей, тех, кого на страницах «Былого и дум» именуют «залпечные мастера в генерал-адъютантских мундирах, эти кулаки, которыми дрался рассвирепелый деспот Зимнего дворца» (там же: 232).

При этом моральная победа, конечно же, оказывается за первым из них: «Муравьев говорил арестантам “ты” и ругался площадными словами. Раз он до того разъярился, что подошел к Цехановичу и хотел его взять за грудь, а может, и ударить – встретил взгляд скванного арестанта, сконфузился и продолжал другим тоном.

Я догадывался, каков должен был быть этот взгляд; рассказывая мне года через три после события эту историю, глаза Цехановича горели, и жилы налились у него на лбу и на перекошенной шее его.

– Что же бы вы сделали в цепях?

– Я разорвал бы его зубами, я своим черепом, я цепями избил бы его, – сказал он дрожа» (там же: 232-233).

Сила закованного в цепи героя-мученика сосредотачивается в его «горящем взгляде», и ее одной, по мысли автора, оказывается довольно, чтобы одержать верх над могущественным мучителем, за плечами которого – легион подобных ему генералов-мерзавцев и фигура самого царя. Кстати сказать, не случайно имя Николая упоминается в этом эпизоде трижды: дважды напрямую и один раз в составе производного прилагательного, когда возникает образ портретной галереи «николаевского времени». Подлинный поединок ведется именно с ним, против его «узкого и мстительного взгляда» направлена духовная сила взгляда Цехановича и ему подобных.

Показательно, что А.И. Герцен, возможно, бессознательно, прибегает в своем описании страданий заключенных поляков и их близких к стилистике и образности религиозной литературы: в тексте упоминаются «кровь мучеников», «страстная неделя», имена евангелистов Луки и Матфия, чуть раньше – «четьи-минеи польской борьбы». Традиция использования элементов церковной стилистики в вольнолюбивых литературе идет от гражданского романтизма, неоднократно эта особенность фиксировалась в творчестве молодого А.С. Пушкина и поэтов-декабристов. Необходимо отметить и тот факт, что себя самого повествователь также причисляет к сонму этих мучеников за свободу, используя религиозно окрашенную лексику применительно и к собственному быту. Так, например, описывая

предельно простой интерьер комнаты Цехановича («Небольшая комната, в которой он жил, была почти совсем пуста; небольшой старый чемоданчик стоял возле скудной постели, деревянный стол и один стул составляли всю мебель»), он неожиданно добавляет: «на меня пахнуло моей крутицкой кельей» (там же: 233-234). Таким образом проводится параллель между жизнью бунтаря и жизнью монаха, отрекшегося от жизненных благ во имя великой цели: в случае монаха эта цель – служение Богу, в случае повествователя и обретенного им в ссылке друга – народному благу.

Особенно полно духовное родство повествователя и Цехановича проявляется в символической сцене прощального обмена подарками, эмоциональным строем напоминающей другой, гораздо более знаменитый фрагмент «Былого и дум» – клятву Герцена и Огарева на Воробьевых горах:

«Мне хотелось оставить ему что-нибудь на память, я снял небольшую запонку с рубашки и просил его принять ее.

– К моей рубашке она не идет, – сказал он мне, – но запонку вашу я сохраню до конца жизни и наряжусь в нее на своих похоронах.

Потом он задумался и вдруг быстро начал рыться в чемодане. Достал небольшой мешочек, вынул из него железную цепочку, сделанную особым образом, оторвав от нее несколько звеньев, подал мне с словами:

– Цепочка эта мне очень дорога, с ней связаны святейшие воспоминания иного времени; все я вам не дам, а возьмите эти кольца. Не думал, что я, изгнанник из Литвы, подарю их русскому изгнаннику.

Я обнял его и простился» (там же: 234).

Звенья железной цепочки вызывают ассоциацию уже не только с узами мучеников из христианской литературы, но и с античной мифологией, в частности с легендой о титане Прометее, прикованном на длительное время к скале и впоследствии носившем в память об этом кольцо от своей цепи на пальце. Как известно, образ Прометей издревле понимался как вариант «древнего культурного героя, идущего ради своих подопечных на обман <...>, на открытую дерзость и страдание» (Лосев, 2000: 338), что сделало его привлекательным в качестве тираноборческого символа для различных исторических эпох. Образ Прометей может восприниматься и как своеобразный ключ к прочтению образа «пермского поляка», созданного А.И. Герценом: он преобразует пространство, в которое попадает, изменяет его в процессе культурного освоения.

Не случайно подчеркивается увлечение Цехановича наукой, акцентируется изучение им природы края, в котором он оказался: «Долго бродя, я увидел наконец по другую сторону бульвара, то есть на поле, какого-то человека, гербаризировавшего или просто рвавшего однообразные и скудные цветы того края. Когда он поднял голову, я узнал Цехановича и подошел к нему»; «Цеханович занимался там естественными науками, собирал скудную флору Уральских гор» (Герцен, 1958: 232-233). Следует отметить, что в художественной форме А.И. Герцену удается запечатлеть подлинное значение для формирования современного культурного облика города Перми добровольно взятой на себя культурно-просветительской миссии некоторых польских переселенцев. У современных пермских краеведов не вызывает принципиальных возражений тезис о том, что «поляки, их история и этническая культура <...> занимают особое место в этнокультурном пространстве Пермского края» (Черных и др., 2009: 8). Однако важен здесь и элемент мифологизаторства: показано, что польский ссыльный занимается естественными науками вопреки всему, чуть ли не самой скудной северной природе, очевидно, с точки зрения автора, не очень-то и заслуживающей внимания этого героя.

Не составляет большого труда заметить, что образ Цехановича представляет собой своеобразное «alter ego» повествователя. Постоянно подчеркивается их общая чужеродность Перми, где они в равной степени одиноки, полнота их взаимопонимания, для которого не существует национальных барьеров, взаимное восхищение, отчасти даже напоминающее взаимную влюбленность: в частности, говорится о «нежном женском внимании» Цехановича, которое «глубоко трогает» героя-повествователя (Герцен, 1958: 234). Собственно, именно в качестве культурного героя, призванного преобразовать окружающее пространство, осознавал себя и А.И. Герцен, неявно сопоставляя себя в этом отношении с другим, общепризнанным, преобразователем русского культурного пространства – А.С. Пушкиным.

Приписываемая Цехановичу и уже процитированная выше фраза об «изгнаннике из Литвы» и «русском изгнаннике» у культурного читателя XIX века с большой долей вероятности должна была ассоциироваться с превратившейся в легенду историей дружбы Пушкина и Мицкевича – национальных гениев двух славянских литератур. Как известно, дружба эта во многом строилась на общем для молодых поэтов романтическом самоощущении изгнанничества, отзвуки которого обнаруживаются и в их творческом диалоге. Не случайно в работе над знаменитым романом А.С. Пушкина «Евгений

Онегин» присутствовал значимый вариант строки «Там пел Мицкевич вдохновенный» – «Там пел изгнанник вдохновенный» (Михайлова, 1998: электрон. ресурс). Символический обмен подарками в отношениях двух поэтов также имел место: известно, что в 1829 г. «в последних числах марта вышла “Полтава” Пушкина, один экземпляр которой он подарил Мицкевичу. Возможно, что в эти дни, в ответ на подарок, Мицкевич подарил Пушкину собрание сочинений Байрона в одном томе на английском языке, на котором написал по-польски “Байрона Пушкину посвящает поклонник обоих – А. Мицкевич”» (Цявловский, 1962: электрон. ресурс).

Ассоциация подтверждается и упоминанием в пермском эпизоде «Бахчисарайского фонтана», поскольку легенда о пленной полячке, покоящейся в Бахчисарае, и фонтане, воздвигнутом в память о ней, служила предметом вдохновения не только для А.С. Пушкина, но и для А. Мицкевича, опиравшегося на нее в своих знаменитых «Крымских сонетах» (1828 г.), в частности, в сонете «Гробница Потоцкой», в комментариях к которому он сам приводит эту легенду и с похвалой отзывается о произведении А.С. Пушкина.

В то же время акцентирование дружбы и внутреннего родства автора с поляком Цехановичем в художественном мире «Былого и дум» создает образную пару, альтернативную сложившемуся в культурном сознании тандему «Пушкин – Мицкевич». Пушкин и Мицкевич были особенно близки в период южной ссылки, в Крыму, – тогда как Герцен и Цеханович сближаются на фоне «скудной» северной природы Перми. В пушкинских описаниях А. Мицкевича традиционно делается акцент на его вдохновенной красоте – Герцен же, как уже было показано, подчеркивает внешнюю некрасивость своего польского товарища. Наконец, самое важное: дружеские отношения Пушкина и Мицкевича были омрачены их политическими разногласиями по поводу польского восстания, тогда как в политических взглядах Герцена и Цехановича наблюдается полная гармония.

Об А.С. Пушкине А.И. Герцен высказывался неоднократно, однако отношение его к поэту было достаточно неоднозначным, оно включало как восторг перед его гениальностью, так и недопонимание, и неприятие отдельных его суждений, что ранее уже отмечалось исследователями: «При попытке <...> определить общие черты пушкинского образа в творчестве Герцена невольно ощущаешь, что становишься участником гигантской мистификации. Отдельные характеристики поэта преподнесены так, что их невозможно соединить вместе, не прибегнув к собственной интерпретации. Как

могло исключительное, “колоссальное” явление русской культуры, посредством которого образованная часть общества впервые обрела “дар поэтического слова” – явление, всегда находящееся “на уровне своего читателя” – обладать одновременно “узким патриотизмом” при “недостатке гордости и сопротивления”?!» (Лисунов, 2003: 33). Можно предположить, что в каком-то смысле, замещая собой Пушкина в диалоге русской и польской культур, А.И. Герцен пытался преодолеть противоречивость собственного восприятия личности Пушкина и его творческого наследия.

Литература:

- Белявская, Ирина М. 1958. Польское национально-освободительное движение и Герцен (1860-е гг.). В: *Литературное наследство*. Т. 64. С. 751-778. http://old.old.imli.ru/litnasledstvo/Том%2064/Том%2064-11_Польское.pdf (дата доступа: 23.03.2018).
- Бокгауз, Фридрих А. Ефрон, Илья А. 1894. *Энциклопедический словарь*. Т. XIIIа. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона.
- Герцен, Александр И. 1958. *Былое и думы*. Т. 1. Ч. 1–3. Москва.: ГИХЛ.
- Дворецкая, Татьяна А. 2004. «Закоснелый сармат» и другие (Польское окружение А.И. Герцена в Вятке). В: *Герценка: Вятские записки*. Вып. 7. http://www.herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?ELEMENT=gerzenka7_5_2&NUMBER=number7 (дата доступа: 21.03.2018).
- Лисунов, Андрей П. 2003. Образ Пушкина в творчестве Герцена. В: *Вестник Литературного института им. А.М. Горького*, No 1-2. С. 22-35.
- Лосев, Алексей Ф. 2000. Прометей. В: *Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х тт.* С.А. Токарев (ред.). Т. 2. Москва: Большая Российская Энциклопедия. С. 337-340.
- Михайлова, Наталья И. 1998. Мицкевич, Адам [По страницам Онегинской энциклопедии]. В: *Октябрь*, No 6. <http://magazines.russ.ru/october/1998/6/pushk.html> (дата доступа: 23.03.2018).
- Пермская губерния. Википедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Пермская_губерния (дата доступа: 24.03.2018).
- Пушкин, Александр С. 1969. *Собрание сочинений в 6-ти тт.* Т. 3. Москва: Правда.
- Цеханович. FamilySpace. <https://arc.familyspace.ru/catalog/Cehanovich> (дата доступа: 24.03.2018)
- Цявловский, Мстислав А. 1962. *Мицкевич и его русские друзья*. В: М.А. Цявловский. *Статьи о Пушкине*. Москва: Изд-во АН СССР. С. 157-178. <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/zsp/zsp-1572.htm> (дата доступа: 21.03.2016)
- Черных, Александр В. и др. 2009. *Поляки в Пермском крае: Очерки истории и этнографии*. Санкт-Петербург: Маматов.